

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ ВЗРОСЛЫХ ПРИ ШКОЛЬНОЙ ТРАВЛЕ

Почему возникает травля? Такова потребность возраста. Детям надо быть в стае, надо осознавать себя через противопоставление другим, надо полностью ощущать принадлежность. Это возраст предпубертатный, но сейчас все сдвигается в 8-9 годам. Всем, кроме ярких индивидуалистов, жизненно нужно чувство групповой сплоченности. Если есть какие-то позитивные основания, чтобы эту сплоченность чувствовать, все хорошо, травля не нужна. Если дети чем-то заняты, у них общая цель, общие интересы. В современной школе этого нет совсем. Все атомизировано: пришли — отучились — разошлись. А оно надо.

И рано или поздно случается открытие: можно сплотиться ПРОТИВ кого-то. Тогда наступает вождельное. Есть особое упоение, удаль, веселье, эйфория, которые охватывают участников травли, потому что они — ВМЕСТЕ. И они — ХОРОШИЕ. Не так важно, что в это вкладывается, высокие или красивые, или умные, или модные, или, наоборот, бравые двоечники. Важно, что с ними все ОК, потому что еще уверенности в себе нет, а быть ОК очень хочется.

Чем больше ребенок неуверен в себе, чем больше зависит от оценки окружающих, тем более вероятно, что он будет активно участвовать в травле. Зачинщики нередко имеют нарциссические черты. То есть на самом деле они так панически боятся, что кто-то догадается об их несовершенстве, что из кожи вон лезут, заранее перенаправляя огонь на кого-то.

Само выражение «козел отпущения» пошло от древнего иудейского обычая раз в год навешивать на бедное животное все свои грехи и отправлять его в пустыню, на съедение демону. Удобно. Меняться не надо, делать ничего не надо, перекинул на козла — свободен. Подобные механизмы существовали и существуют во всех культурах. Старо как мир.

Часто объясняют травлю с позиций этологии, мол, есть альфа-особи, есть омега-особи, и т. д. Все это, конечно, так, но люди все же посложней обезьян будут, и к этому все не сводится. И почему некоторые детские коллективы оказываются беззащитны перед групповой иерархией, вшитой от природы, а другие-то нет, живут по-человечески.

Мое убеждение, что до подросткового возраста это полностью зависит от взрослых. Если есть авторитетный взрослый, который насилия не приемлет, его не будет.

А мы что имеем? Учителя сплошь и рядом считают атмосферу в классе не своим делом. Или хотели бы что-то сделать, да не могут. Иногда невольно провоцируют. Например, любимый учителями физкультуры способ скоротать урок — эстафета. Всем весело, учителю легко. Плохо неспортивным детям, которым достается за то, что «подвели команду». Если учитель никак это не отслеживает и не работает с этим, а наоборот, подогревает азарт, травля неизбежна.

Ну, а дальше вступают в силу действие системных законов. После того, как группа назначила «козла отпущения» и сложилась как дисфункциональная, то есть замешанная на насилии, она такой и останется. Распробовав вкус насилия, детский коллектив остановиться сам не может. Если дети оказываются предоставлены сами себе — дело может далеко зайти. «Повелитель мух» или «Чучело» — там все описано.

Плюс общий высокий уровень разлитой агрессии — она в воздухе разлита, а уж форма найдется.

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ ВЗРОСЛЫХ

Теперь о том, что заводит в тупик взрослых, которые пытаются справиться с травлей в детской группе. О типичных ошибках, неверных убеждениях и стратегиях, которые часто приводят к тому, что ситуация травли консервируется или даже усугубляется.

МАРКЕРЫ ШКОЛЬНОГО БУЛЛИНГА

1. Ждать, что само пройдет

Само не проходит. У детей до подросткового возраста – точно. Позже — есть небольшой шанс. Если в группе найдутся достаточно авторитетные дети (не обязательно лидеры), которые вдруг увидят эту ситуацию иначе и решатся заявить о своем видении — это может сильно уменьшить травлю.

В нашем классе сильно травлили мальчика из не очень благополучной семьи, очень жестоко, он считался «вонючим» (был энурез, как я теперь понимаю). Били, обзывали, отнимали портфель, в общем, по полной программе. Жалко его было всегда, но это воспринималось как данность, неизбежность — ведь «он такой».

Учителя тоже в основном пытались давить на жалость, что дела не улучшалось. А потом, классе в 6, вдруг накрыло осознание, что так нельзя. Что просто нельзя и все, независимо от того, какой он. Ощущение холода между лопаток от 30 взглядов, когда я иду через весь класс и сажусь рядом с ним (на это место НИКТО и НИКОГДА добровольно не садился), я не забуду всю жизнь. И шепот «С вонючкой села! Сама провоняет!».

Это было почти социальное самоубийство с моей стороны. Но внутри было это вот новое чувство, и выбора не было. Как бы я теперь назвала, мораль проклюнулась. Как раз в 12. И ничего, обошлось. Поудивлялись и приняли как факт. Видимо, мораль начала не только у меня уже прорезаться, дети были умные. А мальчик потом приходил ко мне домой, я его по русскому подтягивала, очень интересный оказался, вежливый и читал много. Как-то потише стало вскоре с травлей. Не полюбили его, конечно, но обижали меньше.

Но до 12 с собственной моралью у детей слабовато (еще и мозг не созрел). И задавать им моральные ориентиры обязаны взрослые. Дети в этом возрасте очень готовы их услышать и принять. И наоборот, в подростковой группе взрослый может и не справиться, если там уже сложилась, так сказать, «антимораль». По крайней мере, ему будет гораздо труднее.

2. Оправдывать, объясняя

Объяснений, почему возникает травля — воз и маленькая тележка. Здесь и потребность возраста, и давление закрытой системы, и групповая иерархия (альфы-омеги), и личные особенности детей (например, пережитый опыт насилия, приведший к виктимности или агрессивности). Все это очень важно и интересно, и безусловно стоит изучать и понимать.

Но. Если из всего этого делается вывод: «так что же вы хотите, вот ведь сколько причин, потому и травят», это и есть оправдывать, объясняя. Травля в конкретном классе, от которой страдают прямо сейчас конкретные дети — не вопрос научных изысканий, это вопрос морали и прав человека. С этой точки зрения неважно, кто какая буква. Будь ты хоть трижды альфа, будь он хоть сто раз странный и «не такой», травить не смей!

Если в голове взрослого такого твердого убеждения нет, и он в упоении от собственной проницательности «анализирует причины», вместо того, чтобы дать определенную оценку и выдвинуть требования, остановить травлю он не сможет.

Причины часто столь глобальные, что устранить их невозможно, Скажем, агрессию в обществе или насильственность и закрытость школьной системы. Или вот дети, обделенные любовью родителей и потому самоутверждающиеся за счет других, всегда были, есть и будут. Это не значит, что надо терпеть травлю.

Надо ставить цели скромнее: нет задачи изменить причины, есть задача изменить ПОВЕДЕНИЕ конкретной группы детей.

3. Путать травлю и непопулярность

Подмена проблемы. Никто никому не обязан, чтобы его все любили. Не могут быть все одинаково популярны. Суть травли — не в том, что кто-то кого-то не любит. Суть травли — НАСИЛИЕ. Это

групповое насилие, эмоциональное и/или физическое. И именно за это отвечает взрослый, которому доверена группа детей. За их защищенность от насилия.

Многим детям и не нужна особая популярность в классе, они вполне без нее проживут. Они могут быть от природы интровертны, застенчивы или просто душой принадлежать не

к этой, случайно собранной по административному признаку, а совсем к другой группе. Они хотят одного — безопасности. И имеют на нее полное право.

Педагоги, сводящие все к непопулярности, часто искренне стараются исправить дело. Они обращают внимание группы на достоинства жертвы, пытаются повысить ее рейтинг особыми поручениями и т. д. И это все очень мило и действенно, при одном условии: травля как насилие УЖЕ прекращена. Если нет — все и любые достоинства жертвы в глазах группы, захваченной азартом травли, будут мгновенно превращены в недостатки. Выиграл олимпиаду — «ботан». Помог кому-то — «подлиза». Нарисовал хорошо — «художник-мазила-мочи Левитана».

Эту ошибку, кстати, нередко поддерживают детские книжки и фильмы. Соверши подвиг, впечатли всех, и жизнь наладится. Как-то я общалась с девицей, со смаком вспоминавшей, как они в каком-то лагере для детей-мажоров травлили Яну Поплавскую, которая вип-родителей не имела, а путевку ей дали после успеха фильма про Красную Шапочку. Травили «чтобы знала, что она все равно не нашего круга, хоть и артистка».

В грязной атмосфере насилия не пробьются ростки интереса и уважения. Сначала надо провести дезинфекцию.

4. Считать травлю проблемой жертвы

Конечно, явственно страдает именно жертва. Те, кто травит, прямо сейчас могут выглядеть очень довольными собой. Однако важно понимать, что страдают в результате все.

Страдает жертва, получившая опыт унижения, отвержения и незащищенности, травму самооценки, а то и нарушения эмоционального развития из-за долгого и сильного стресса.

Страдают свидетели, те, кто стоял в стороне и делал вид, что ничего особенного не происходит, и в это самое время получал опыт бессилия перед властью толпы и стыда за свое слабодушие, поскольку не решился вступить и поддерживал травлю из страха самому оказаться жертвой. Этот опыт иногда может быть полезен для подростка, у которого уже есть достаточно сил для морального выбора. Но для ребенка младшего возраста такой опыт всегда травматичен и разрушителен, стыд загоняет его в угол, и все. Это все равно как насильно ставить ребенка на ноги до того, как они достаточно окрепли. Будет искривление костей.

Страдают преследователи, получая опыт шакалов в стае, или опыт кукловода, опыт безнаказанности, иллюзию своей силы и правоты. Этот опыт приводит к огрублению чувств, отрезанию возможностей для тонких и близких отношений, в конечном итоге — к деструктивным, асоциальным чертам личности. Даже если он будет успешен и станет начальником, счастья в его жизни будем немного, носи он хоть сплошное «Прада», как известно.

Наконец, это все плохо для группы в целом, для ее эффективности, способности справляться с трудностями. Насилие — страшный пожиратель энергии, ни на что другое сил у группы уже не остается. В том числе и на учебу.

Если это не вашего ребенка травят — не думайте, что лично у вас нет повода для беспокойства. Не говоря уже о том, что тлеющая подолгу травля всегда прорывается вспышками настоящего насилия. И тогда абсолютно любой — в том числе и ваш — ребенок может оказаться «назначен» группой исполнить ее волю и «дать ему как следует». Он сам потом не сможет объяснить, почему так озверел и почему сделал то, что ему вовсе не свойственно. Ну, а дальше варианты. Либо он сам рискует совершить серьезное преступление, либо доведенная до отчаяния жертва даст отпор и...

5. Считать травлю проблемой личностей, а не группы

Это подход типа «все дело в том, что они такие». Чаще всего приходится слышать, что жертва — «такая» (причем неважно, в негативном ключе: глупая, некрасивая, конфликтная или в позитивном: одаренная, нестандартная, «индиго» и т. д.).

«Козлом отпущения» может стать каждый. Это иллюзия, что для этого надо быть каким-то особо ненормальным. Да, иногда и так бывает. А иногда и вовсе наоборот. И вообще как угодно. Очки (веснушки), толщина (худоба), национальность, бедная одежда — все пойдет. Да, есть качества, которые способствуют закреплению этой роли — чувствительность, обидчивость, просто повышенная ранимость в этот период. Есть и особый случай детей виктимных, переживших насилие и так привлекающих внимание к себе. Но в общем и целом причина травли — не в особенностях жертвы, а в особенностях ГРУППЫ. Один и тот же ребенок может быть изгоем в одной группе и своим в другой. Или перестать быть изгоем в той же самой за короткий срок, скажем, после смены классного руководителя.

Также не имеет смысла сводить причину травли к качествам тех, кто травит: они «звери, гаденыши, быдло, наглые отпрыски нуворишей» и т. п. Опять-таки, конечно, роль инициаторов травли часто берут на себя дети не самые благополучные внутренне. Но одних только их качеств недостаточно. Я много раз наблюдала, как самые отъявленные травители, случайно оказавшись с травимым вдвоем, например, на продленке, мирно с ней играли. И опять-таки, при смене взрослого лидера или позиции этого лидера по отношению к происходящему нередко «эти сволочи» поразительно быстро меняют свое поведение.

Эта ошибка лежит в основе попыток преодолеть травлю путем «разговоров по душам» или «индивидуальной работы с психологом». С жертвой ли, с агрессорами ли. Травля, как любое застревание в деструктивной динамике — болезнь группы. И работать надо с группой в целом. То же относится к попыткам «взять за грудки». Это может защитить конкретного ребенка, но группа, вкусившая «крови», тут же выберет другую жертву. Просто убрать жертву или зачинщика, все сведя к их личным особенностям, тоже не факт, что поможет — действие вполне может продолжиться с другими исполнителями главных ролей.

6. Давить на жалость

Пытаться объяснить агрессорам, как жертве плохо и призывать посочувствовать. Не поможет, только укрепит их в позиции сильного, который хочет казнить, хочет милует. А жертву обидит, унизит или подкрепит ее беспомощность. Особенно если это мальчик.

7. Принимать правила игры

Это самое важное, пожалуй. Ошибка — выбирать между виктимностью и агрессией.

Любая ситуация насилия провоцирует именно этот выбор. Либо «меня бьют, потому что я слабый, и всегда будут бить». Либо «меня бить не будут ни за что, я сильный и бить буду я».

При всей кажущейся разнице обе эти позиции сходны. Они обе базируются на одном и том же убеждении о том, как устроен мир. А именно: «сильный бьет слабого». Поэтому если взрослый идентифицируется или подталкивает ребенка идентифицироваться с одной из этих позиций, он тем самым подкрепляет эту картину мира.

Подталкивать ребенка — это значит говорить ему «подумай, в чем ты сам виноват» или «дай ему, чтоб неповадно было». В том и другом случае ребенок получает от взрослого такой месседж: «Мир, знаешь ли, устроен так и

другого мира у нас для тебя нет. Ты можешь капитулировать перед насилием, предать себя и измениться так, как от тебя требуют. Им виднее, каким ты должен быть, они сильны, а значит — правы. Или можешь наплевать на собственную безопасность (не бойся!), и озвереть, тогда тебя не тронут. Еще вариант: отрезать от себя чувства (не обращай внимания!) и научиться изображать лицом не то, что происходит внутри. **Выбирай, детка!».**

Собственно, оно, может, и ничего, если, опять же, мы имеем дело с подростком, которому уже пора обретать самостоятельность и рассчитывать на себя. Если до этого у него было достаточно поддержки и если даже сейчас он все же застрахован от совсем крайних проявлений насилия, он может справиться. Тогда это будет инициация, опыт болезненный, но ведущий к развитию. Заодно подросток сможет принять собственное решение о том, так или не так устроен мир и готов ли он с этим мироустройством согласиться. Это тоже зависит от того, была ли ему прежде взрослыми предъявлена иная система ценностей и есть ли у него тыл в семье.

Если же ребенок младше, такое поведение взрослых лишает его защищенности и обрекает на преждевременную инициацию, которую да, сильный ребенок может пройти, но всегда дорого за это платит. А слабый так и вообще ломается. И начинает верить, что «мир устроен так». Такие волны этой детской незащищенности плескались в комментариях к прошлым постам...

Когда я писала, что нужно идти на конфронтацию, я именно это имела в виду. Не конфронтацию с конкретными глупыми детьми, а конфронтацию с правилами игры по которым «сильный имеет право бить слабого». С травлей как насилием, как болезнью, отравой, моральной ржавчиной. С тем, чего не должно быть. Что нельзя оправдывать, от чего **ЛЮБОЙ** ребенок должен быть защищен — и точка.

Этот тот самый главный вывод, о котором я уже писала. Без конфронтации здесь невозможно, уговоры не помогут, «командообразование» тоже. Идти на конфронтацию неохота, неловко, нет опыта, потому что сами мы почти все имеем опыт жертвы и/или опыт травящего, и сами мечемся между виктимностью и агрессивностью.

Людмила Петрановская